

Видимо- невидимо

Фотографии инокини Ксении,
которая охотится за неуловимым

Родилась я в 1947 году — давно-то как... — в Ленинграде. В послевоенные годы у всех жизнь была тяжелая, не исключением была и моя семья. Отец учился в Арктическом училище им.

Макарова, мать — в Первом медицинском институте. Подрабатывали где могли, а оставить меня было не с кем. Привязывали за ногу в кроватке, и я целый день то сидела, то висела в гордом одиночестве. Иногда прибегала откуда-то мать, что-нибудь мне давала и снова исчезала. Однажды я каким-то образом освободилась и совершила побег. Года 3-4 мне было... Нашли меня часа через три после того как хватились, довольно далеко от дома. Я сидела на трамвайной линии, видимо, устав от долгого путешествия. Конечно, движение транспорта тогда было совсем не такое, как сейчас, но тем не менее придавить меня могли не раз... Бог миловал.

Жили мы в малюсенькой комнатенке в коммунальной квартире. После войны в городе было полно крыс, уже успевших размножиться после блокады. Очень хорошо запомнила один эпизод из той жизни. Я лежу

на кровати, ночь... И, открыв глаза, вдруг вижу прямо напротив меня глаза — красные и очень злые... Они мне показались огромными. Это была крыса. Она сидела у меня на груди и собиралась откусить мне нос. Было мне года два тогда, но эта сцена стоит перед моими глазами очень отчетливо. Крики, вопли... Швабру запомнила...

Потом мы уехали на Север.

Шли годы... Я поступила в Медицинский институт им. Мечникова, ну а дальше — как у всех: замужество, дети, работа... Надо отметить, что в то время фотография была для меня совсем непривлекательным занятием, хотя муж фотографировал, но я и его фотографиями мало интересовалась.

О вере никогда не задумывалась. Крестилась в 36 лет. Какая-то бабуля меня напугала: подошла на улице и страшным голосом предрекла мне скорую смерть, если я не крещусь. Я решила, что лучше креститься, чем умереть. Прошло еще несколько лет. Однажды моя знакомая привела меня в храм. Это была церковь Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Храм только начинал восстанавливать-

2

3

4

1. Наедине
2. Я лечу
3. Монахиня Васса
4. Рассвет на Ояти

5. Глазами художника

6. Алтарник Ваня

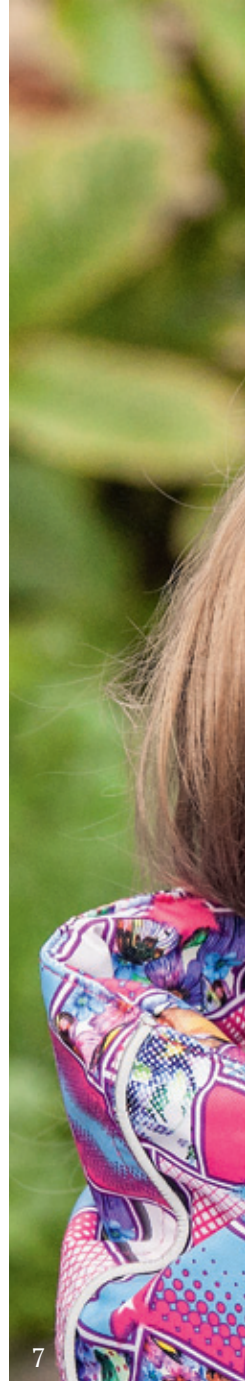
7. Я тебя так люблю

5

6

7

ся, и в то время настоятелем был иеромонах Лукиан (Куценко), сейчас он епископ Благовещенский и Тындинский. Зрелище было печальное: зима, окна затянуты пленкой, печка, вход в алтарь — просто пролом в стене. Но я почему-то стала туда приходить. Ходила просто так, даже не знаю, почему и зачем. Первая Пасха в храме все для меня изменила. Из алтарного пролома появляется и исчезает батюшка в разных ярких облачениях... А когда он запел «Плотию уснув» — всё... Сразил меня наповал. Голос у него был неповторимый, да и проповедник он был очень яркий. Когда вышла на пенсию, работала в свечной лавке храма Анны Кашинской подворья Введено-Оятского монастыря. В 2005-м переехала в монастырь, приняла иноческий постриг.

Фотографировать стала в монастыре — и не сразу, а лет семь тому назад. Привел меня к фотографии мой духовный отец иеромонах Илиан из Александро-Невской

лавры (он умер 4 года назад). Он сам любил фотографию, а я любила его. Для меня он был непререкаемым авторитетом. Он говорил, что, остановив мгновение, мы можем увидеть в человеке образ Божий. Поэтому всем жанрам я предпочитаю портрет.

В этом году в Тихвинской епархии был организован конкурс фотографий и видеофильмов «Тихвинская епархия вчера, сегодня, завтра», где мои фотографии обратили на себя внимание организаторов и жюри. После того как меня вывели в люди, состоялись две мои персональные выставки. Меня иногда спрашивают, как это мне удастся передать моменты, когда человек становится таким... одухотворенным, что ли. Я думаю, что это оттого, что большинство фотографий сделано в храме, в монастыре — а там обитает Бог. Мне же с помощью фотографии иногда удается остановить момент встречи человека с Богом... **✙.**

Инокения **Ксения Белова**